На правах рукописи

ЕРОХИНА Екатерина Андреевна

ПРОЛОГ И ЭПИЛОГ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦЕЛОГО ПОВЕСТЕЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Череповец – 2021

Работа выполнена на кафедре отечественной филологии и прикладных коммуникаций федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Череповецкий государственный университет».

Научный руководитель: **Володина Наталья Владимировна,** доктор филологических наук, профессор, кафедра отечественной филологии и прикладных коммуникаций федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Череповецкий государственный университет», профессор кафедры.

Официальные оппоненты: **Беляева Ирина Анатольевна,** доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский городской педагогический университет», профессор кафедры.

Патапенко Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет», доцент кафедры.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Защита состоится «23» сентября 2021 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 999.014.03 на базе ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» по адресу: 160001, г. Вологда, пр. Победы, 37, ауд. 71.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет» по адресу: г. Вологда, ул. Галкинская, д. 1, а также на официальном сайте ВоГУ: https://vogu35.ru/nauka/sovety/dissertatsionnyj-sovet-d-999-014-03/zashchita-dissertatsij-d-999-014-03

Автореферат разослан « » _____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент С. А. Громыко

Творчество И. С. Тургенева широко исследовано в эстетическом, социальном, философском, нравственном и других аспектах. В сфере поэтики предметом внимания специалистов не раз становились особенности конфликта, сюжетно-композиционное своеобразие, психологизм, элементы романтической стилистики, способ повествования и др.

Вместе с тем заслуживает специального внимания исследование поэтики конкретных компонентов произведений Тургенева, среди которых особое место занимают пролог и эпилог. Включение этих структурных элементов в текст того или иного произведения носит в творчестве Тургенева системный характер.

Пролог и эпилог присутствуют в произведениях писателя, принадлежащих различным жанрам и созданным в разные периоды его художественной деятельности. В повестях «Андрей Колосов» (1844), «Ася» (1858), «Первая любовь» (1860), «Бригадир» (1868), «Постоялый двор» (1855), «Степной король Лир» (1870) и др. есть оба эти элемента. Иногда в повестях Тургенева присутствует только пролог: «Три портрета» (1846), «Жид» (1846), «Переписка» (1856) – или только эпилог: «Петушков» (1848), «Два приятеля» (1854), «Затишье» (1854). Для большинства романов писателя характерно наличие эпилога: «Рудин» (1855), «Дворянское гнездо» (1859), «Накануне» (1860), «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1867).

Понимание роли и специфики этих компонентов тургеневских произведений возможно с учетом фундаментальных исследований, посвященных творчеству писателя: эстетической позиции Тургенева, психологизма и поэтики его прозы и пр. (работы А. И. Батюто[1], И. А. Беляевой[2], Г. А. Бялого[3], Г. Э. Винниковой[4], Г. Б. Курляндской[5], Ю. В. Манна[6], В. М. Марковича[7], А. Б. Муратова[8], В. А.

---

[1] Батюто А. И. Тургенев-романист. – Ленинград: Наука, 1972. – 389 с.

[2] Беляева И. А. Творчество И. С. Тургенева: Учебное пособие. – Москва: Жизнь и мысль: Московский учебник, 2002. – 143 с.;
Беляева И. А. Творчество И.С. Тургенева: фаустовские контексты. – Санкт- Петербург: Нестор-История, 2018. – 248 с.

[3] Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. – Москва; Ленинград: Советский писатель, 1962. – 247 с.

[4] Винникова Г. Э. Тургенев и Россия. – Москва: Советская Россия, 1986. – 411 с.

[5] Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев и русская литература – Москва: Просвещение, 1980. – 192 с.;

Недзвецкого[9], Л. В. Пумпянского[10], П. Г. Пустовойта[11], А. П. Чудакова[12], С. Е. Шаталова[13] и др.); а также современных работ, посвященных связям творчества Тургенева с европейской и мировой литературой[14], художественной философии писателя[15], жанровой принадлежности его произведений[16] и другим вопросам.

Особое значение для проведенного исследования имеют работы, посвященные изучению конкретных структурных компонентов в прозе Тургенева. Это статьи Л. Н. Сарбаш: «Эпилог романов И. С. Тургенева 50-60-х годов»[17] и

Курляндская Г. Б. Эстетический мир И. С. Тургенева. Орёл: Издательство Государственные телерадиовещательные компании, 1994. – 341 с.

[6] Манн Ю. В. Тургенев и другие. – Москва: РГГУ, 2008. – 631 с.

[7] Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1982. – 208 с.;

Маркович В. М. О «трагическом значении любви» в повестях И. С. Тургенева 1850-х годов // Маркович В. М. Избранные работы. – Санкт-Петербург: Ломоносовъ, 2008. – С. 277-289.;

Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1975. – 152 с.

[8] Муратов А. Б. Повести и рассказы И. С. Тургенева 1867–1871 годов. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1980. – 182 с.;

Муратов А. Б. Тургенев–новеллист (1870–1880-е годы). – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1985. – 119 с.

[9] Недзвецкий В. А. Любовь–крест–долг… // Недзвецкий В. А., Пустовойт П. Г., Полтавец Е. Ю. И. С. Тургенев «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети» – Москва: Издательство Московского университета, 2000. – С. 17-26;

Недзвецкий В. А. И. С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя: курс лекций. – Москва; Стерлитамак: Стерлитамакская государственная педагогическая академия, 2008. – 230 с.

[10] Пумпянский Л. В. Тургенев-новеллист // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / ответственный редактор А. П. Чудаков. – Москва: Языки русской культуры, 2000б. – С. 427-447.

[11] Пустовойт П. Г. Тургенев – художник слова. – Москва: Издательство МГУ, 1987. – 301 с.

[12] Чудаков А. П. О поэтике Тургенева-прозаика (Повествование –предметный мир – сюжет) // И. С. Тургенев в современном мире / ответственный редактор С. Е. Шаталов. – Москва: Наука, 1987. – С. 240-266;

Чудаков А. П. Тургенев: повествование – предметный мир – герой – сюжет // Чудаков А. П. слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого: очерки поэтики русских классиков. – Москва: Современный писатель, 1992. – С. 70-93.

[13] Шаталов С. Е. Художественный мир И. С. Тургенева. – Москва: Наука, 1979. – 312 с.

[14] Тургенев И. С.: Новые исследования и материалы. И. С. Тургенев и мировая литература (к 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева) / ответственные редакторы Н. П. Генералова, В. А. Лукина – Москва; Санкт-Петербург: «Альянс-Архео», 2009–2012. – (И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы);

Тургенев И. С.: Новые исследования и материалы. К 200-летию И. С. Тургенева (1818-2018) / ответственные редакторы Н. П. Генералова, В. А. Лукина. – Москва; Санкт-Петербург: «Альянс-Архео», 2016. – Вып. IV. – 969 с. – (И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы);

Ребель Г. М. Тургенев в русской культуре. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – 374 с. – (Наследие И. С. Тургенева в русской и мировой культуре);

Доманский В. А. Художественные миры Ивана Тургенева: монография / В. А. Доманский, О. Б. Кафанова. – Москва: ФЛИНТА, 2020. – 432 с.

[15] Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. – 455 с.;

Головко В. М. И. С. Тургенев: искусство художественного философствования. – Москва: ФЛИНТА, 2018. – 344 с.;

Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года / ответственный редактор С. А. Никольский. – Москва: Голос, 2018. – 376 с.

[16] Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2005. – 249 с. – (Монографии ученых МГПУ).

[17] Сарбаш Л. Н. Эпилог романов И. С. Тургенева 50–60-х годов // Филологические науки. – №5. – 1979 – С. 24-29.

«Предыстория героя в романах И. С. Тургенева как способ организации повествования»[18]. В первой работе исследователь приходит к выводу, что эпилоги романов писателя – это не только завершение жизнеописания героев, но особый идейно-философский итог его произведений, необходимый элемент художественной структуры романа, важный для понимания его конфликта. Вторая статья посвящена анализу специфики предыстории персонажей в романах Тургенева и ее роли в системе всего произведения. Благодаря этому элементу, по мнению Сарбаш, повесть, обрастая необходимыми дополнениями, приобретая масштабность и эпичность в изображении действительности, приближается к роману.

Эпилог в повестях Тургенева рассматривает Л. И. Полякова в статье «Поэтика эпилога тургеневской повести»[19]. Она отмечает, что в тургеневской прозе форма сообщения итоговых сведений о героях приобретает устойчивые черты, которые позволяют говорить об особой специфике завершающего структурного элемента в творчестве писателя. При этом характер эпилога повестей, как считает автор, принципиально отличается от эпилогов романов.

М. В. Половнева в диссертации «Поэтика тургеневской повести 1850-х годов (К проблеме межтекстовой целостности)»[20] обращается к проблемам сюжетно-композиционной организации повестей, специфике художественного времени и пространства, взаимосвязям автора, повествователя и героя. Ряд работ исследователя посвящен анализу форм повествования в текстах Тургенева: «Субъектная организация повести И. С. Тургенева “Переписка”»[21],

---

[18] Сарбаш Л. Н. Предыстория героя в романах И. С. Тургенева как способ организации повествования // Филологические науки. – №1. – 1987. – С. 63–66.

[19] Полякова Л. И. Поэтика эпилога тургеневской повести // Сборник: И. С. Тургенев и современность. Международная научная конференция, посвященная 175-летию со дня рождения И. С. Тургенева / Под редакцией П. Г. Пустовойта. – Москва: Диалог-МГУ, 1997. – С. 192-197.

[20] Половнева М. В. Поэтика тургеневской повести 1850-х годов (к проблеме межтекстовой целостности): диссертация … кандидата филологических наук: 10.01.01. / Половнева Марина Владимировна. – Орел, 2002. – 210 с.

[21] Половнева М. В. Субъектная организация повести И. С. Тургенева «Переписка»: сборник научных трудов участников IV межрегиональной научно-практической конференции, Белгород, 27-28 апреля 2004 г. – Белгород: БелГИК, 2004. – 346-353.

«Повествовательная структура повести И. С. Тургенева “Фауст”»[22], где частично рассматривается роль эпилога.

И. А. Беляева в статье «Своеобразие эпилога в романах И. С. Тургенева»[23] уделяет особое внимание финалам романов писателя, считая, что эпилог в этих произведениях играет важную роль в раскрытии характера главных героев. Кроме того, эпилог, по мнению исследователя, обладает универсализирующими смыслами. Позднее, в 2018 году, была опубликована статья И. А. Беляевой «“Помни мои последние три слова”: к вопросу о структуре финалов в романах Тургенева»[24], где в качестве отличительной черты тургеневских романных финалов рассматривается «заключительная точка»: прямая или скрытая цитата из известного книжного источника или библейского текста. По мнению автора, благодаря подобной организации финалов романы писателя приобретают особую смысловую глубину и многогранность.

Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, вниманием современной науки к проблемам целостности текста, роли отдельных его компонентов и, как следствие, необходимостью их дальнейшего изучения; во-вторых, возможностью рассмотрения творчества И. С. Тургенева с учетом достижений современных ученых.

Материалом исследования являются повести И. С. Тургенева 1840-70–х гг., в составе которых есть пролог и/или эпилог: «Андрей Колосов» (1844), «Три портрета» (1846), «Жид» (рассказ, 1846), «Петушков» (1848), «Дневник лишнего человека» (1850), «Два приятеля» (1854), «Затишье» (1854), «Постоялый двор» (1855), «Переписка» (1856), «Ася» (1858), «Первая любовь» (1860), «Бригадир» (1868), «История лейтенанта Ергунова» (1868), «Несчастная» (1868), «Степной

[22] Половнева М. В. Повествовательная структура повести И. С. Тургенева «Фауст» / Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – Том 37, № 1. – С. 22-30.
[23] Беляева И. А. Своеобразие эпилога в романах И. С. Тургенева / И. А. Беляева // Спасский вестник. – Тула, 2004. – Вып. 11. – С. 42-53.
[24] Беляева И. А. «Помни мои последние три слова»: к вопросу о структуре финалов в романах Тургенева // Филологический класс. – 2018. – №3 (53). – С. 25-32.

король Лир» (1870), «Вешние воды» (1872), «Пунин и Бабурин» (1874), «Часы» (рассказ, 1876), «Отрывки из воспоминаний – своих и чужих» (рассказ, 1880).

Объектом анализа стали пролог и эпилог в названных повестях.

Предмет изучения – художественная функция пролога и эпилога данных произведений.

Целью работы является рассмотрение поэтики пролога и эпилога в их взаимосвязи с художественным целым произведения.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

– показать соотношение пролога и эпилога с сюжетом произведения;

– рассмотреть связь данных компонентов текста с формами повествования в названных повестях;

– проанализировать роль пролога и эпилога в организации образа рассказчика;

– определить роль указанных рамочных компонентов текста в раскрытии образов персонажей;

– проанализировать особенности хронотопа повестей, включающих в себя пролог и/или эпилог;

– определить функции этих структурных элементов в текстах Тургенева;

– проследить эволюцию данных компонентов текста в соответствии с этапами творчества писателя.

Для решения последней задачи необходимо рассмотреть исследуемые в диссертации повести И. С. Тургенева в контексте всего творчества писателя с учетом его основных этапов. В литературоведении существует несколько точек зрения на периодизацию творчества Тургенева. В данном исследовании представляется наиболее оправданным руководствоваться периодизацией, предложенной Ю. В. Лебедевым, который говорит о четырех этапах

художественной деятельности писателя: 1840-е гг., 1850-е гг., 1860-е гг., 1870-е годы[25].

Цель и задачи диссертационной работы обусловили ее методологию. Методологическую базу диссертационного сочинения составили исследования общетеоретического характера: работы В. Б. Шкловского[26], М. М. Бахтина[27], Б. О. Кормана[28], В. И. Тюпы[29], В. Е. Хализева[30], В. Шмидта[31], и др.; работы, посвященные изучению структуры и целостности художественного текста: Б. Эйхенбаума[32], Ю. Н. Тынянова[33], Ю. М. Лотмана[34], М. М. Гиршмана[35], И. Сухих[36] и др.; исследования по изучению пролога, эпилога и форм повествования в творчестве И. С. Тургенева: А. П. Чудакова, Л. Н. Сарбаш, Л. И. Поляковой, М. В. Половневой, И. А. Беляевой и др. (ссылки на работы даны выше).

В качестве основного **метода исследования** в работе был избран историко-литературный. Этот метод является наиболее универсальным и позволяет изучить художественное произведение с учетом внешнего контекста (литературная

---

[25] Лебедев Ю. В. Иван Сергеевич Тургенев / История русской литературы XIX века: вторая половина: учебное пособие для студентов педагогических институтов по спец. / Под редакцией Н. Н. Скатова. – Москва: Просвещение, 1987. – С. 58-116.

[26] Шкловский В. Б. Искусство как прием // Шкловский В. Б. О теории прозы. – Москва: Издательство «Федерация», 1929. – С. 7-23;
Шкловский В. Б. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля // Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. – Петроград: Типография З. Соколинского, 1919. – С. 115-150.

[27] Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. – Москва: Русское слово, 2003. – Т. 1. – 955 с.;
Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – Москва: Художественная литература, 1975. – 6-71 с.;
Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества – Москва: Искусство, 1979. – 444 с.

[28] Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. – 551 с.

[29] Тюпа В. И. Аналитика художественного: введение в литературоведческий анализ. – Москва: Лабиринт: РГГУ, 2001. – 192 с.;
Тюпа В. И. Художественность литературного произведения: вопросы типологии. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1987. – 217 с.

[30] Хализев В. Е. Теория литературы: учебное для студентов вузов. – Москва: Высшая школа, 2004. – 404 с.

[31] Шмидт В. Нарратология. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

[32] Эйхенбаум Б. О звуках в стихе / Эйхенбаум Б. Сквозь литературу. – Ленинград: Academia, 1924. – С. 201-208.

[33] Тынянов Ю. Н. Литературный факт. – Москва: Высшая школа, 1993. – 319 с.;
Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция. – Москва: Аграф, 2002. – С. 189-204.

[34] Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 704 с.

[35] Гиршман М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 560 с. – (Коммуникативные стратегии культуры).

[36] Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – с. 544. – (Новый культурный код).

традиция, культура, общественная мысль, др.) и внутреннего (конкретных элементов произведения в системе художественного целого). В диссертации был использован также сравнительно-сопоставительный метод, направленный на установление связей пролога и эпилога с системой повестей Тургенева в целом.

Научная новизна работы заключается в том, что, несмотря на фундаментальную изученность творчества Тургенева отечественным и зарубежным литературоведением, структура произведений писателя, в частности, художественная функция таких элементов, как пролог и эпилог, исследована недостаточно. Отметим, что преимущественное внимание специалистов обращено при этом к романам писателя. В диссертации впервые рассматриваются прологи и эпилоги *всех* повестей И. С. Тургенева, определяется их художественная функция и характер эволюции данных компонентов в творчестве писателя.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней, на материале повестей И. С. Тургенева, выявляются функции пролога и эпилога в контексте художественного целого произведения и всего творчества писателя; рассматриваются проблемы связи этих элементов текста с сюжетом и хронотопом; соотносятся понятия «пролог», «предыстория», «экспозиция», «обрамление» и др., а также «эпилог» и «последующая история»; выявляются закономерности использования различных форм повествования в текстах с такими структурно-семантическими элементами, как пролог и эпилог.

Практическое значение диссертации состоит в том, что ее материалы и результаты могут быть использованы при подготовке спецкурсов и семинаров по творчеству И. С. Тургенева, а также при подготовке лекционных курсов по истории русской литературы XIX века.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ходе исследования было выявлено, что большинство повестей И. С. Тургенева имеют в своей структуре пролог и/или эпилог (19 произведений). Это свидетельствует о системности и закономерности включения этих компонентов в произведения данного жанра на всех этапах творческой деятельности писателя.

2. Большинство рассмотренных повестей имеют характерную нарративную структуру – рассказа в рассказе, что дает писателю возможность ввести в прологе фигуру рассказчика, излагающего события основной части произведения. Художественная функция рассказчика в прологах, как и в основной части повестей Тургенева, разнопланова. В одних случаях степень его выявленности может определяться только местоимением «я», иногда местоимениями «мы» или «вы» («Три портрета», «Жид», «Постоялый двор», «Переписка», «Истории лейтенанта Ергунова»). В других случаях рассказчик может быть либо свидетелем происходящего, принимая минимальное участие в событиях («Андрей Колосов», «Несчастная», «Степной король Лир», «Пунин и Бабурин»), либо главным действующим лицом («Дневник лишнего человека», «Ася», «Первая любовь», «Вешние воды», «Часы»). В зависимости от его роли в произведении меняется характер его оценок, понимание произошедшего, восприятие прошлого.

3. Ретроспективный характер повествования и устойчивый мотив воспоминания определяют соотношение хронотопа в прологе/эпилоге и основной части произведения. Временной интервал между этими компонентами текста чаще всего измеряется точными хронологическими промежутками: «Десять лет тому назад, милостивые государи мои, я был студентом в Москве» («Андрей Колосов»); «Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна» («Ася»); «Прошло четыре года» («Первая любовь»); «Случилась она [история – Е.А.] лет сорок тому назад, во время молодости Кузьмы Васильевича» («История лейтенанта Ергунова») и др. Закономерно, что само рассказываемое событие и повествование о нем относятся к разным временным планам. Однако художественная перспектива такого типа повествования всегда одинакова: герой смотрит на пережитое из настоящего; и в финале действие неизменно возвращается к началу.

4. В эпилогах повестей меняется и художественное пространство, по сравнению с местом действия основной части произведения. Так, «из края в край», по святым местам скитается Аким в эпилоге повести «Постоялый двор»; на Невском проспекте встречаются Астахов и Веретьев из «Затишья»; герой повести

«Несчастная» переселяется из Москвы с Петербург; во Франкфурт, а затем в Америку едет Санин в «Вешних водах».

5. Пролог и эпилог в некоторых повестях Тургенева оказываются функционально близки другим структурным элементами текста: предыстории («Ася», «Часы»), предисловию («Переписка»), послесловию («Дневник лишнего человека»), – и потому границы между ними оказываются размытыми.

6. На протяжении всего творческого пути Тургенева характер пролога и эпилога его повестей меняется. В произведениях раннего периода творчества писателя (1840-х – первой половины 1850-х годов) пролог выполняет функцию введения основной темы и представления героя, которому принадлежит рассказанная в повести история («Андрей Колосов», «Три портрета», «Жид»). Эпилог в произведениях этого периода повествует об обстоятельствах жизни, переменах, произошедших с персонажами после завершения основного действия («Петушков» и «Два приятеля»). При этом события эпилога «уплотнены», спрессованы во времени.

7. В повестях второй половины 1850 – начала 70-х годов пролог и эпилог сохраняют прежнее значение и функции, но становятся более событийно насыщенными; хронотоп приобретает пространственно-временную определенность, а фигура рассказчика получает биографическую и психологическую конкретность. Пролог и эпилог несут в себе повышенную смысловую нагрузку, выражая философско-нравственную концепцию писателя: хрупкости счастья, в том числе, семейного; трагической сущности любви; смысла самопожертвования; неизбежности перемен и быстротечности времени («Ася», «Первая любовь», «Бригадир», «Вешние воды» и др.)

Апробация отдельных фрагментов и глав диссертации состоялась на аспирантских семинарах, заседаниях кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, а также в форме докладов на 10 научных конференциях в Череповце, Москве, Санкт-Петербурге, Пушкине.

Основные результаты исследования изложены в 12 научных публикациях, в том числе в 4-х статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, основной части исследования, заключения и списка литературы. Основная часть включает в себя три главы. Первая глава освещает теоретико-литературные аспекты исследования. Вторая посвящена анализу повестей 1840-50–х гг., третья – анализу повестей 1860-70–х гг. В заключении подводятся итоги диссертационной работы, намечаются дальнейшие перспективы. Завершает работу список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы; анализируется степень изученности заявленной проблемы; определяется материал, объект, предмет и методы исследования; формулируются цели и задачи работы; раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; формулируются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации результатов исследования и описывается структура диссертационной работы.

Глава 1 «Теоретико-литературные аспекты исследования» посвящена теоретическому обоснованию заявленных в работе проблем.

В первом параграфе главы «**Целостность литературного произведения»** рассматриваются научные концепции, связанные с пониманием художественного произведения как самостоятельного, законченного целого, не сводимого к сумме элементов.

Единство литературного произведения было отмечено еще древнегреческими философами Платоном и Аристотелем. В эстетике и теории литературы Нового времени понятие целостности станет рассматриваться в рамках категорий содержания и формы. Наиболее фундаментально

применительно к искусству и литературе их разработал Г. В. Ф. Гегель. В этих категориях оказались обобщены представления философа о внешней и внутренней сторонах литературного произведения. Основные положения гегелевской эстетики в России в 19 веке были восприняты и творчески осмыслены русской критикой: В. Г. Белинским (в «примирительный» период его творчества) и А. А. Григорьевым, – которые говорили об органичности и многосоставности литературного произведения.

В начале XX века представители формального метода заменили понятия «содержания» и «формы» категориями «выражаемого» и «средств выражения», что привело их к пониманию эстетической структуры художественного произведения как единства средств выражения.

Для Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского произведение оказывается системой, элементы которой находятся в отношениях функциональной зависимости, обусловливающей его художественное единство.

В 1920-е годы М. М. Бахтин обосновал еще одно понятие, которое называл чуть ли не центральным в составе художественной поэтики – понятие «содержательной формы». Под содержанием «эстетического объекта» (художественного произведения) ученый понимает «действительность познания и этического поступка, входящую в своей опознанности и оцененности в эстетический объект и подвергающуюся всестороннему художественному оформлению с помощью определенного материала»[37]. Ученый приходит к выводу, что основной задачей эстетики является изучение художественного произведения во всем его своеобразии, установка на единство в нем формы и содержания: «Дóлжно понять эстетический объект синтетически, в его целом, понять содержание и форму в их существенном и необходимом взаимоотношении»[38].

[37] Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 32.
[38] Там же. С. 70.

Тартуско-московская школа отечественной семиотики (Ю. М. Лотман, Б. М. Гаспаров, Б. А. Успенский, Б. Ф. Егоров и др.), развивая эти идеи, ввела новые теоретические категории для обозначения целостности произведения: понятиям «форма» и «содержание» здесь соответствуют «структура» и «идея», «знак» и «значение». Лотман предлагает «дуализм формы и содержания» заменить «понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры»[39].

Многоуровневый подход к структуре художественного текста использует также М. М. Гиршман. Он предлагает рассматривать трехуровневую структуру: ритм, сюжет, герой, – отмечая, что «по вертикали» эти уровни пронизывает субъектно-объектная организация произведения, создающая в конечном итоге не линейную структуру, а, скорее, сетку, которая «накладывается» на художественное произведение.

Вместе с тем категории формы и содержания сохраняются в научном дискурсе, хотя и приобретают новые определения. Как считает В. Е. Хализев, названные теоретические подходы к литературным произведениям не исключают друг друга. Они вполне совместимы и являются взаимодополняющими. Целостностью литературовед называет «то трудно определимое качество предмета, которое вызывает у воспринимающего единую реакцию на него, порождает общее впечатление»[40].

Второй параграф **«Пролог и эпилог как рамочные компоненты художественного текста»** посвящен аналитическому обзору основных определений понятий «пролог» и «эпилог» в отечественном литературоведении, а также других тесно связанных с ними элементов структуры художественного текста: «предисловие», «предыстория», «послесловие», «рама произведения» и др.

Представление о произведении как художественном целом предполагает признание самостоятельной и одновременно системообразующей роли каждого из

---

[39] Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 21.

[40] Хализев В. Е. Теория литературы: учебное для студентов вузов. – Москва: Высшая школа, 2004. – С. 15.

его элементов. Особую роль в эпическом произведении играют компоненты, которые, на первый взгляд, выполняют дополнительную функцию, напрямую не участвуют в развитии действия. К таким элементам относятся пролог и эпилог.

Обычно классическая схема сюжета включает завязку, развитие действий, кульминацию и развязку. Однако повествование не всегда следует за хронологией событий. Одной из особенностей текстуальной композиции является введение событий прошлого в настоящее, в основное действие произведения. Благодаря этому, читатель знакомится с обстоятельствами, которые предшествовали завязке, а также с последующими судьбами героев. Если естественный (фабульный) ход событий может быть только один, то способов нарушить его в изложении – множество. Среди них – использование пролога и эпилога. Таким образом, эти компоненты решают в тексте задачу расширения хронотопа. Пролог и эпилог отделены от основного повествования определенной хронологической дистанцией. Художественное время в эпилоге, как правило, уплотнено и вмещает в себя несколько периодов в жизни персонажей.

Категории пролога и эпилога могут рассматриваться как компоненты рамочной структуры текста: совокупности элементов, окружающих основной текст произведения. С этой точки зрения начало текста может включать в себя пролог, конец – эпилог. Наличие таких рамочных компонентов придает произведению характер завершенности и усиливает его внутреннее единство. Рамочные компоненты, как правило, наиболее явно обнаруживают присутствие автора в произведении. К тому же важнейшим аспектом изучения «рамочного текста» являются внутритекстовые функции каждого из его компонентов. Именно поэтому следует рассматривать пролог и эпилог не по отдельности, а в их связи друг с другом и всем текстом произведения в целом.

Специфичность этих категорий определяется характером их связи с сюжетом: включенностью в него либо обособленностью. Ведущая научная тенденция связана с признанием этих элементов внесюжетными при сохранении внутренних связей с этой категорией поэтики эпического произведения.

То, как исторически менялось представление о сюжете, рассматривается в параграфе «**Сюжет и его роль в формировании пролога и эпилога»**.

Большой вклад в изучение этой категории внесли А. Н. Веселовский, В. Я. Пропп, В. Б. Шкловский, Б. В. Томашевский, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. И. Тюпа, И. В. Силантьев, Б. М. Гаспаров и многие другие литературоведы. В зарубежной науке с сюжетологией соотносится литературоведческая нарратология, что исчерпывающе раскрыто в трудах В. Шмида.

Наиболее распространенная трактовка сюжета исходит из того, что его основой, единицей является событие. Такое понимание этой категории восходит к литературоведению XIX века, работе А. Н. Веселовского «Поэтика сюжетов». Единицей сюжета исследователь называет мотив как элементарный событийный элемент текста. Эта традиция сохраняется как одна из ведущих и в современной науке.

В последнем параграфе первой главы **«Формы повествования как речевая организация пролога и эпилога»** выявлена связь пролога и эпилога эпического произведения с формами повествования. Теоретическое осмысление данного явления в отечественной и зарубежной науке в основном связано с изучением проблемы разных речевых субъектов повествования[41].

К фундаментальной разработке концепции «образа автора» приступили М. М. Бахтин в классической работе «Автор и герой в эстетической деятельности» (1919) и В. В. Виноградов в книге «О художественной прозе» (1930).

---

[41] Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. – Москва: Русское слово, 2003. – Т. 1. – 955 с.
Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – Москва: Наука, 1980. – 360 с.
Грехнев В. А. Словесный образ и литературное произведение: книга для учителя. – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. – 197 с.
Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. – 551 с.
Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – с. 544. – (Новый культурный код).
Шкловский В. Б. Искусство как прием // Шкловский В. Б. О теории прозы. – Москва: Издательство «Федерация», 1929. – С. 7-23.
Шмидт В. Нарратология. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
Эйхенбаум Б. Сквозь литературу. – Ленинград: Academia, 1924. – С. 201-208.

В конце 1950-х – начале 1960-х идея внутритекстового автора была высказана в работах Б. О. Кормана. Подход Кормана значительно отличается от теорий его предшественников. Если В. В. Виноградов рассматривает в образе автора его стилистический облик, то Корман трактует образ автора как взаимоотношение разных сознаний. Исследователь сосредоточивается на анализе поэтики произведения. Ученый приходит к мысли о том, «что автор непосредственно не входит в текст: он всегда опосредован субъектными и внесубъектными формами. Представление об авторе складывается из представления об этих формах, их выборе и сочетании»[42]. Б. О. Корман в работе «Изучение текста художественного произведения» (1972) предложил классификацию субъектов речи: он выделил повествователя, личного повествователя и рассказчика. Наибольшее значение в контексте темы диссертационного исследования представляет соотнесение пролога и эпилога с формой повествования от первого лица – рассказчика. Именно он своей личностью открыто организуют все произведение, хотя степень выявленнности рассказчиков в тексте оказывается различной. Особое внимание в главе обращается на прием «рассказ в рассказе», ибо именно он чаще всего предполагает наличие пролога и эпилога.

Вторая глава диссертационной работы **«Структурно-семантические особенности пролога и эпилога в повестях И. С. Тургенева 1840-1850 гг.»** посвящена анализу этих компонентов текста в произведениях писателя указанного периода. В отдельных параграфах главы рассматриваются различные аспекты и специфика прологов и эпилогов в повестях «Андрей Колосов», «Три портрета», «Жид», «Петушков», «Дневник лишнего человека», «Два приятеля», «Затишье», «Постоялый двор», «Переписка», «Ася».

В повестях раннего периода (1840-х годов) творчества писателя пролог представляет собой описание дружеской встречи знакомых мужчин, когда ситуация непринужденного общения располагает к воспоминаниям, рассказу

[42] Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. – С. 101.

одного из участников о какой-либо истории, произошедшей с ним либо с его знакомым. Тема этого рассказа возникает непосредственно во время общения собеседников. В дальнейшем она становится главной темой повести. В «Андрее Колосове» это тема «необыкновенного человека», в «Трех портретах» – тема стихийной и трагической силы и т.д. Событие и повествование о нем относятся к разным временным планам.

Роль рассказчика в прологах, как и в основной части повестей Тургенева этого периода, разнопланова. В одних случаях степень его выявленности может определяться только местоимением «я» (иногда местоимениями «мы» или «вы»): «Я знал одного вологодского помещика…» («Три портрета»); «...Расскажите-ка вы нам что-нибудь, полковник, – сказали мы, наконец, Николаю Ильичу» («Жид») и др. В других случаях рассказчик может быть либо свидетелем происходящего, принимая минимальное участие в событиях («Андрей Колосов»), либо главным действующим лицом («Дневник лишнего человека», «Ася»). Случается, что рассказчик выступает сразу в нескольких ролях. Так автор предисловия в повести «Переписка» сначала предстает как одно из действующих лиц: читатель узнает о его знакомстве в Дрездене с главным героем повести и о том, что он был свидетелем последних дней жизни Алексея Петровича. Он же выступает в роли издателя тех писем, которые ему передал герой. Таким образом, в зависимости от его роли в произведении меняется характер его оценок, понимание, того, что произошло, восприятие прошлого.

Форма повествования от третьего лица встречается в повестях Тургенева этого периода значительно реже – «Петушков», «Два приятеля» и «Затишье». В этом случае нарратору в эпилоге дано всеведенье автора, знающего о судьбе всех героев и способного оценить их «со стороны».

В 1840-е годы творчества Тургенева в прологах обычно есть лишь лаконичное указание на место встречи действующих лиц (пролога) и время действия; нет ни портретов, ни какой-либо характеристики участников встречи. Один из них, тот, кому принадлежит дальнейшее повествование (рассказчик истории в основной части), может быть представлен более детально.

В повестях 1850-х годов пролог становится событийно насыщенным; его хронотоп приобретает пространственно-временную определенность; фигура рассказчика получает биографическую и психологическую конкретность. Пролог получает уже более высокую смысловую нагрузку и намечает философско-нравственную концепцию писателя, которая получит свое завершение в эпилоге. Это характерно для повестей «Дневник лишнего человека», «Ася» и др. В прологах этих повестей Тургенев ставит основные философские проблемы, волновавшие его в этот период: быстротечности человеческой жизни, смысла жизни, места человека в мире. Главные герои этих повестей с позиции прожитых лет или накануне ухода из жизни оглядываются назад и пытаются понять, переоценить свои поступки, взаимоотношения с людьми, наконец, задать себе вопрос о смысле своего существования. В контексте этих размышлений в сознании героев часто возникают природные ассоциации. Так, в прологе повести «Ася» Н.Н. замечает: «Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя». Герой повести «Дневник лишнего человека», Чулкатурин, понимая, что скоро он умрет, соотносит свой уход с моментом, когда «реки вскроются» и он «с последним снегом», вероятно, уплывет в море. Для Тургенева всегда была важна глубинная связь человека и природы, даже на метафизическом уровне. При этом конфликт между жизнью человека и могуществом природы, как правило, остается в его произведениях неразрешимым.

В повестях Тургенева 1840-х – первой половины 1850-х годов («Петушков», «Дневник лишнего человека», «Постоялый двор») другой структурный элемент – эпилог – является, прежде всего, способом описания жизни героев после изображения основных событий, объясняет причины, обстоятельства, некоторые детали, мотивы поведения персонажей. Так, например, в повести «Постоялый двор» основной функцией эпилога становится завершение событийной линии, а именно рассказ о дальнейшей жизни героев: Акима, Наума, помещицы Лизаветы Прохоровны и др. Эпилог также включает в себя объяснение причин, обстоятельств, мотивов поведения персонажей, является способом выражения авторской оценки героев и событий.

Однако уже в 1850–е годы эпилог становится важным компонентом, который служит не только способом описания жизни героев после изображения основных событий, но и выражает философско-нравственную концепцию писателя: концепцию счастья, в том числе и семейного, любви, самопожертвования. Так, например, эпилог повести «Два приятеля», начинается авторскими рассуждениями (характерными в целом для творчества Тургенева) о неизбежности перемен и быстротечности времени: «Прошел год. От корней срубленного дерева идут новые отпрыски, самая глубокая рана зарастает, жизнь так же сменяет смерть, как и сама сменяется ею». Эта общечеловеческая истина соотносится с судьбами героев.

В другой повести – «Затишье» – значимым событием эпилога оказывается не столько сам факт переживания героем любви, сколько осознание ее ценности, которое приходит к Веретьеву слишком поздно. Эта переоценка связана с мотивом молодости, когда в определенный момент – момент, описанный в эпилоге, – он вспоминает и, возможно, переосмысливает свое прошлое. Мотив ушедшей молодости и несостоявшегося счастья является смыслообразующим и в повестях «Дневник лишнего человека», «Переписка», «Ася».

Еще одной особенностью повестей Тургенева является точность в определении хронологической дистанции между основным рассказом и событиями в прологе/эпилоге: «Десять лет тому назад, милостивые государи мои, я был студентом в Москве» («Андрей Колосов»); «Прошел год» («Два приятеля»); «Я видел вас лет восемь тому назад, в деревне, в Т-ской губернии, у Ипатовых» («Затишье»); «Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна» («Ася») и др.

Третья глава диссертационной работы **«Художественная функция пролога и эпилога в повестях И. С. Тургенева 1860-1870 гг.»** посвящена анализу этих компонентов в произведениях писателя 1860-1870 гг. В отдельных параграфах главы рассматриваются значение и функции прологов и эпилогов в повестях «Первая любовь», «Бригадир», «История лейтенанта Ергунова»,

«Несчастная», «Степной король Лир», «Вешние воды», «Пунин и Бабурин», «Часы» (рассказ), «Отрывки из воспоминаний – своих и чужих» (рассказ).

Философская насыщенность повестей Тургенева 1860–1870–х годов позволяет считать его художником-мыслителем. Поздние произведения писателя («повести о прошлом», «таинственные повести») отличаются также новым характером поэтики. Вместе с тем автор сохраняет в них ряд традиционных для его творчества приемов организации художественного текста, композиции и повествования: нарративную структуру рассказа в рассказе и – соответственно – повествование от лица рассказчика, ретроспективный характер изложения событий, наличие пролога и эпилога в структуре произведений. При этом пролог и эпилог в большинстве поздних повестей несут в себе авторскую концепцию бытия: «Первая любовь», «Бригадир», «Вешние воды». После завершения действия, когда судьбы героев кажутся уже исчерпанными, автор размышляет по поводу конкретной ситуации, истории, которая была им описана, переходя на уровень обобщений. Так, тема несостоявшейся любви в эпилоге повести «Первая любовь» оказывается органично связанной с размышлениями главного героя о несостоявшейся жизни, молодости и чувствах, которые с особою силою испытываешь в юности. По поводу стремительности и кратковременности человеческой жизни Тургенев рассуждает и в эпилоге «Вешних вод». Своеобразным итогом эпилога является откровение героя, смысл которого заключается в том, что радость любви столь же трагически мгновенна, как и человеческая жизнь, однако она и есть единственный смысл и содержание этой жизни. Пролог и эпилог в повести «Бригадир» выражают авторское понимание «трагического значения любви», где это чувство вновь представляется как большое жизненное испытание, проверка человеческих сил.

Часто в эпилогах повестей 1860-1870 гг. Тургенев старается объяснить совершенные ранее поступки героев, описанные в основной части произведения, пролить дополнительный свет на их жизнь. В то же время он может говорить и о необъяснимости этих поступков, проникая в сферу бессознательного, странного. Так, пытаясь понять, как Евлампия Харлова (повесть «Степной король Лир»)

смогла стать «командиршей», «богородицей», «главной маткой» хлыстов-раскольников, писатель приходит к выводу, что ответа нет, «все бывает, все случается». Попытки ответить на вопросы, возникшие в эпилогах повестей «Несчастная», «Первая любовь», «Вешние воды» и др., также оказываются безуспешны. Вероятно, для Тургенева как писателя важнее оказывается именно постановка вопроса, а не ответ на него, особенно когда речь идет о внутренней жизни человека, подчас непостижимой для него самого. В этом случае сам характер намеченных в эпилогах вопросов придавал им общечеловеческий, экзистенциальный смысл.

Характерной структурной чертой некоторых эпилогов повестей Тургенева 1860–1870-х годов является возможность деления их на несколько частей, чаще всего различных по тональности повествования. Иногда композиционно этот элемент занимает не одну главу («Степной король Лир», «Вешние воды»). Так, содержание эпилога «Вешних вод» можно условно разделить на несколько частей: одни из них, связанные с событийной канвой произведения, имеют конспективный, сдержанный, описательный характер, другие, связанные не с внешним сюжетом, а с внутренней оркестровкой чувств, сохраняют взволнованно-лирический тон. По сходному принципу строится эпилог некоторых других повестей этого периода: «Первая любовь», «Несчастная».

Однако, наряду с повышенной смысловой нагрузкой, в поздних повестях Тургенева пролог и эпилог могли носить и иной характер. Следуя принципам реалистического письма и собственной художественной манере, Тургенев начинает некоторые повести конца 1860 – начала 1870–х годов небольшим прологом, объясняющим читателю, где, когда и по какому поводу была рассказана данная история, словно возвращаясь к структуре повестей раннего периода творчества. «Рассказчиком» в прологе и основном действии повести «История лейтенанта Ергунова» оказывается группа приятелей главного героя, Кузьмы Васильевича. По сути своей это пересказ того, что они слышали когда-то от своего приятеля. Традиционная ситуация встречи друзей, во время которой звучит исповедь одного из участников беседы, Петра Гавриловича, описана в

прологе повести «Несчастная». В лаконичном, сжатом по объему и содержанию прологе повести «Степной король Лир» представлена ситуация встречи компании приятелей, где происходит знакомство читателя с рассказчиком. Последнее предложение пролога «Пунина и Бабурина» призвано оформить ситуацию «рассказа в рассказе» и перенести читателя во времена событий основного действия. Во всех названных повестях пролог – небольшой в композиционном отношении и лаконичный по информации структурный элемент текста, в котором чаще всего не обозначены ни место, ни время действия. Во всех повестях пролог вводит мотив «воспоминания». В произведениях за прологом обычно следует подробная характеристика персонажа – главного участника происходящих событий. Однако здесь можно заметить отступления писателя от манеры прежних своих повестей: меняется угол зрения на персонажа. Если раньше для Тургенева была важна общественно-социальная составляющая облика его героев, то в поздних повестях писателя интересует, прежде всего, внутреннее, психологическое состояние персонажа. И художественный конфликт уже предопределен столкновением противоположных начал во внутреннем мире человека. Высшей точкой движения сюжета становится некое происшествие, которое настигает героя среди обыденности жизни, потрясая неизбежностью и воспринимаемое им как проявление непреодолимой силы.

В **Заключении** подводятся итоги работы, намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы. Они могут быть связаны с исследованием взаимосвязи, определением сходства и различий между прологами и эпилогами рассказов, повестей и романов писателя.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных перечнем ВАК Министерства науки и высшего образования РФ

1. Басова (Ерохина) Е. А. Пролог и эпилог как структурно-семантические элементы в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» // Вестник Череповецкого государственного университета / Главный редактор Н. И. Шестаков. – Череповец: ЧГУ, 2012. – №4 (44). Т. 3. – С. 49-52.
2. Басова (Ерохина) Е. А. Пролог и эпилог как структурно-семантические элементы повести И. С. Тургенева «Ася» // Казанская наука. №1 2013 г. – Казань: Издательство Казанский Издательский Дом, 2013. – С. 91-95.
3. Басова (Ерохина) Е. А. Специфика повествования в повести И. С. Тургенева «Вешние воды» // Вестник Череповецкого государственного университета / Главный редактор Н. И. Шестаков. – Череповец: ЧГУ, 2013. – №2 (48). Т. 2. – С. 51-54.
4. Ерохина Е.А. Усадебное пространство в повестях И.С. Тургенева 1850–1860-х гг. как ресурс формирования «усадебного мифа» // Казанская наука. №2 2000 г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – С. 7-10.

Статьи, опубликованные в других изданиях

1. Басова (Ерохина) Е. А. Специфика повествования в повести И. С. Тургенева «Три портрета» // Пушкинские чтения-2012. Живые традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст: материалы XVII международной научной конференции / под общей редакцией Н. В. Скворцова; ответственный редактор Т. В. Мальцева. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. – С. 43-48.
2. Басова (Ерохина) Е. А. Пролог и эпилог как структурно-семантический элемент ранних повестей И. С. Тургенева (на примере повестей «Жид», «Петушков», «Переписка») // Череповецкие научные чтения – 2012: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 3 ч. / Ответственный редактор Н. П. Павлова. – Череповец: ЧГУ, 2013. – Ч. 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. – С. 13-16.

3. Басова (Ерохина) Е. А. Тема «необыкновенного человека» в повести И.С. Тургенева «Андрей Колосов» // Филология в образовательном пространстве города Череповца: история и современность (к 85-летию Леонарда Яковлевича Маловицкого): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Череповец, ЧГУ, 24-25 ноября 2011 г. / Ответственный редактор Е. В. Грудева. – Череповец: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2012. – С. 323-329.

4. Басова (Ерохина) Е. А. Пролог и эпилог как структурно-семантический элемент в повести И. С. Тургенева «Бригадир» // Научные труды молодых ученых-филологов: Материалы Всероссийской научно-методической конференции «Филологическая наука в XXI веке. Взгляд молодых», 18-21 октября 2011 г. / Научный редактор Минералова И. Г. – Москва, 2012. – С. 37-43.

5. Басова (Ерохина) Е. А. Пролог и эпилог как структурно-семантические элементы в повести И. С. Тургенева «Степной король Лир» // Череповецкие научные чтения – 2014: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 3 ч. / Ответственный редактор Н. П. Павлова. – Череповец: ЧГУ, 2015. – Ч. 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. – С. 17-19.

6. Басова (Ерохина) Е. А. Пролог и эпилог как структурно-семантические элементы в повести «История лейтенанта Ергунова» // Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (12–14 марта 2014 г., Череповец) / Ответственный редактор Н. В. Володина, Е. В. Грудева, Е. Е. Соловьева. – Череповец: ЧГУ, 2014. – С. 140-144.

7. Ерохина Е. А. Роль предметной детали в прологе и эпилоге повестей И. С. Тургенева («Ася» и «Вешние воды») // Молодая наука – 2019: сборник трудов VI Всероссийской студенческой научно-практической конференции (г. Москва, 19 апреля 2019 г.) / ответственный редактор С. А. Забелина; Московский финансово-юридический университет МФЮА; Московский информационно-

технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт. – Москва: МФЮА, 2019. – Т. 2 – С. 1059-1066.

8. Ерохина Е. А. Предуведомление «издателя» в прологе повести И. С. Тургенева «Переписка»: структурно-семантическая роль // Пушкинские чтения – 2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXV международной научной конференции / ответственный редактор профессор Т. В. Мальцева. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 187-194.